

Г. Шпет

Мысль и слово

Выпуск 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
Г11

Г11 **Г. Шпет**
Мысль и слово: Выпуск 1 / Г. Шпет – М.: Книга по Требованию, 2014. –
440 с.

ISBN 978-5-458-54487-0

ISBN 978-5-458-54487-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Мудрость или разумъ?

*Quid ergo Athenis et Hierosolymis?
quid academiae et ecclesiae?*

Тертуліанъ.

I

Слѣдуетъ тщательно различать между *философіей* какъ чистымъ знаніемъ и *научной философіей*. Научная философія опредѣляется отрицательно, въ исключющую противоположность философіи ненаучной, подъ которой понимается философія «метафизическая», ненастоящая, *псевдофилософія*. На первый взглядъ можетъ показаться, что такое опредѣленіе задачъ философіи диктуется научной скромностью, но при ближайшемъ разсмотрѣніи нетрудно замѣтить, что, на самомъ дѣлѣ, мы здѣсь встрѣчаемся съ своеобразнымъ типомъ самомнѣнія. За притворнымъ самоограниченіемъ научной философіи можно открыть большія претензіи: въ своемъ желаніи быть «научной» она принимаетъ за норму приемы и методы какой-либо частной области научнаго знанія, и, такимъ образомъ, провинціальными средствами собирается рѣшать міровые вопросы. По самому своему заданію научная философія оказывается несостоятельной, — одно изъ двухъ: или она безцѣльно удваиваетъ научныя рѣшенія вопросовъ, или она выходитъ за границы отдѣльныхъ наукъ, и берется рѣшать научными средствами вопросы, которые научному рѣшенію не подлежатъ. Фактически она идетъ этимъ послѣднимъ путемъ. Взявъ за образецъ научнаго познанія какую-нибудь специальную науку, она тотчасъ выходитъ за ея границы, и въ ея терминахъ пытается разрѣшить сперва проблемы другихъ наукъ, а затѣмъ и тѣ проблемы, которыя эти науки не берутся рѣшать, въ силу ли эмпирической ограниченности нашего знанія, или въ силу принци-

пiальной для нихъ недоступности этихъ проблемъ. Безразлично, дальше, какая наука выбирается за образецъ, научная философія неизбѣжно выполняетъ то дѣло, значеніе котораго она отрицаетъ, — она сама становится философіей ненастоящей, «метафизической», псевдофилософіей. Названіемъ *псевдофилософiи* я обозначаю: 1, позитивистическія фантазіи о «синтезѣ» всего знанія по типу какой-либо специальной науки, 2, мифологическія и въ узкомъ смыслѣ метафизическія фантазіи, облеченныя въ наукообразныя формы, также по преимущественному образцу какой-либо специальной науки, 3, теологическія фантазіи, облакающія вѣрованія и произвольно прокламированные догматы въ наукообразную форму, 4, всякаго рода гностическія фантазіи; — между всѣми — общее: придать своимъ фантазіямъ наукообразную форму и именовать ее философіей. Поскольку всѣ эти «фантазіи» выходятъ за сферу строгихъ предѣловъ науки, онѣ въ широкомъ смыслѣ могутъ быть названы *метафизикой*. Последняя, какъ свободное индивидуальное творчество, можетъ быть выраженіемъ истинно философскаго *переживанія*, и въ этомъ смыслѣ не подлежитъ, разумѣется, никакимъ ограниченіямъ, пока она не претендуетъ на «научность». Слѣдовательно, псевдофилософія есть метафизика въ широкомъ смыслѣ, претендующая быть точной наукой. И только въ томъ рѣдкомъ случаѣ, когда терминъ «метафизика» намѣренно и произвольно употребляется въ качествѣ *синонима* философіи какъ чистой науки, метафизика не подходитъ подъ это опредѣленіе. Такимъ образомъ, механизмъ, динамизмъ, біологизмъ (эволюціонизмъ), субъективизмъ (психологизмъ, гносеологизмъ), историзмъ, и тому подобныя направленія научной философіи, принципиально не отличаются отъ метафизическихъ ученій, напр., матеріализма, спиритуализма, монизма, съ ихъ привативными подвидами: механистическимъ, эволюціоннымъ, историческимъ матеріализмомъ, динамическимъ, интеллектуалистическимъ, волонтаристическимъ, и под. спиритуализмомъ, идеалистическимъ, реалистическимъ, энергетическимъ и под. монизмомъ, ипр., ипр. Эта многочисленность направленій научной философіи лишаетъ ее единства основаній, и мы можемъ говорить здѣсь, самое большее, только объ единствѣ ея типа. При многообразіи объяснительныхъ направленій она оказывается дробной, привативной; каждое направленіе въ ней относится отрицательно къ другимъ направленіямъ; это — философія по преимуществу нетерпимая.

Философія какъ чистое знаніе имѣетъ положительныя

задачи и строится на твердыхъ основаніяхъ. Единая по замыслу, она и въ путяхъ своихъ единообразна. Она можетъ показаться претенціозной, когда юна объявляетъ предметомъ своего изученія *все*, но строгость ея метода и высокія требованія, предъявляемыя ею къ выполнению своихъ задачъ, точно и надежно обурочиваютъ ея границы. Ея задачи опредѣляются ея предметомъ, отличнымъ отъ предметовъ другихъ видовъ и типовъ, какъ научнаго, такъ и ненаучнаго познанія. Ея самоограниченіе—искренно и недвусмысленно: она эмпирически ограничена мѣрою нашихъ человѣческихъ силъ, и въ этомъ же смыслѣ безгранична, какъ безграниченъ въ идеѣ ихъ ростъ или какъ безгранично въ идеѣ прозрѣніе генія; принципиально она ограничена тѣмъ, что не можетъ брать на себя рѣшеніе задачъ, не подлежащихъ рѣшенію по ея строгимъ методамъ, но и въ томъ смыслѣ она—безгранична, какъ безгранично содержаніе ея собственнаго предмета. Философія какъ чистое знаніе не противопоставляетъ себя въ своемъ исключительномъ положеніи другимъ наукамъ, потому что она сама—наука; точно также, какъ часть,—а не какъ противорѣчіе,—она занимаетъ свое опредѣленное мѣсто *въ цѣломъ* философіи, подъ которой въ широкомъ смыслѣ понимается и строгое знаніе и «метафизика» и «жизнь». «Мудрость», съ одной стороны, и псевдофилософія, съ другой стороны, суть житейскіе соблазны для философіи какъ знанія, но строго соблюдая свой собственный путь, она занимаетъ по отношенію къ нимъ опредѣленное положеніе. Въ исторіи можно констатировать не одинъ случай, что она поддавалась этимъ соблазнамъ, и тогда она оказывалась смѣшной, пытаясь примѣнить свою строгость тамъ, гдѣ послѣдней не должно быть мѣста. Но, разумѣется, не слѣпымъ отрицаніемъ псевдофилософіи или мудрости философія какъ знаніе можетъ укрѣпить свое мѣсто, а только положительнымъ уясненіемъ собственнаго содержанія и отношенія къ цѣлому и другимъ частямъ «философіи» въ широкомъ житейскомъ смыслѣ слова.

Въ движеніи мысли человѣчества ни одна наука не обошлась безъ странныхъ и таинственныхъ попутчиковъ-незнакомцевъ, искателей элексировъ жизни, маговъ и чародѣевъ, наконецъ, просто уличныхъ фокусниковъ и колдуновъ. Непреклонно и послѣдовательно науки освобождаютъ свое общество отъ компаніи темныхъ проходимцевъ. У философіи есть свои алхимики, астрологи и маги; чернымъ налетомъ налегли онѣ на нее; фило-

софія какъ знаніе имѣетъ прямой обязанностью очистить себя отъ этой копоти и показать прямо и честно свои истинныя цѣли и намѣренія. Въ наши дни пересмотра научныхъ путей и методовъ приходится иногда слышать сожалѣнія о томъ, что напрасно наука въ свое время отбросила какъ негодную ту или иную «алхимическую» проблему, такъ какъ теперь при строгомъ отношеніи науки къ своимъ обязанностямъ та же проблема вновь возникаетъ передъ нами... Но наукѣ торопиться некуда, — по крайней мѣрѣ, той наукѣ, которая не состоитъ въ услуженіи и на посылкахъ у современнаго престижитагора—*техники*, вершащей сейчасъ судьбы науки и человѣческой мысли!.. Зброшенныя были проблемы, говорятъ, теперь поднимаются вновь... Значитъ, поднимаются все-таки! А если изъ этого требуется извлечь мораль, то она — только въ томъ, что очищеніе науки не должно итти путемъ голаго отрицанія, что оно должно стать еще строже и осматрительнѣе. Философія какъ знаніе имѣетъ, поэтому, передъ собою громадныя строительныя задачи, но и не меньшія историческія и критическія. Исходнымъ пунктомъ ея должно быть точное указаніе своихъ цѣлей и тѣхъ средствъ, которыми она располагаетъ для ихъ осуществленія, а равнымъ образомъ и своего состава, т.-е. тѣхъ органовъ, которые должны выполнять намѣченныя ею себѣ цѣли. Философія какъ знаніе, будучи частью по отношенію къ нѣкоторому болѣе обширному цѣлому, сама составляетъ цѣлое изъ нѣсколькихъ *философскихъ наукъ*.

II.

Наша культура, — по происхожденію: средиземноморская, теперь: всемірная, — направляется, вообще говоря, двумя стіхіями — восточной и европейской. Въ этомъ противопоставленіи я беру названіе *европейская* въ узкомъ и собственномъ смыслѣ самостоятельнаго творчества народовъ, населяющихъ Европу. Его, это самостоятельное творчество, въ *чистомъ* видѣ можно прослѣдить въ культурѣ европейцевъ только до распространенія въ Европѣ христіанства, т.-е. главнымъ образомъ, и выражаясь точнѣе, — *идей* христіанства, христіанской *идеологии* и христіанскаго «міровоззрѣнія». Едва ли можно сомнѣваться, что и тамъ, въ дохристіанской Европѣ, мы найдемъ слѣды и отголоски восточнаго происхожденія, но точно также нѣтъ сомнѣнія, что на новомъ мѣстѣ создавалось и нѣчто

свое, новое. Европейское же въ болѣе широкомъ смыслѣ, и въ особенности въ теченіе послѣднихъ двадцати вѣковъ европейской исторіи, заключаетъ въ себѣ такъ много восточнаго, что самоудѣланное нами противопоставленіе Востока и Европы подчасъ теряетъ свой смыслъ. Во всякомъ случаѣ, выдѣленіе той или иной изъ названныхъ нами стихій въ составѣ нашей культуры—дѣло не легкое, требуетъ большого вниманія, и все-таки остается только приблизительнымъ. Поэтому, и на нижеслѣдующія разъясненія нужно смотрѣть не болѣе, какъ на тенденцію.

Именно Востокъ есть родина мудрости, всяческихъ сказокъ, сказаній и мифовъ. Востокъ ихъ *переживаетъ*, ими питается, и въ нихъ выражается. Онъ не знаетъ, что такое *рефлексія*; умственная жизнь для него—нѣчто чуждое; онъ съ трудомъ отличаетъ ее отъ тяжелаго физическаго труда, онъ отдыхаетъ, когда отъ него не требуютъ умственнаго напряженія; умственная лѣнь—его природа и его добродѣтель. Чистый европеизмъ пробудился въ тотъ моментъ, когда первый лучъ рефлексіи озарилъ человѣку его собственныя переживанія. Европа,—это—умственное напряженіе, но не трудъ, а «досугъ», восторгъ и праздникъ жизни; самое дорогое для нея—творчество мысли; и никакая сила,—ни мечъ, ни моральная проповѣдь,—не могли уничтожить въ европейцѣ его *страсти мыслить*. Европа пережила сказокъ и мифовъ, мудрости и откровеній, не меньше, чѣмъ востокъ, но она не только ихъ переживала, она ихъ также *передумывала*. Какъ глубоко она переживала, и какъ глубоко передумывала пережитое, объ этомъ свидѣтельствуетъ ея созданіе—*тригедія*, высшая форма художественной рефлексіи. Вообще это ея созданіе—основныя направленія рефлексіи: строгое искусство и строгое чистое знаніе. «Строгое искусство»—нерѣдко синонимъ «античнаго искусства», т.-е. европейскаго. Къ «строгой наукѣ» мы какъ будто пришли позже, когда Европа «оріентировалась», когда ея исторію вело христіанство. Но нужно ли напоминать мартирологъ философіи, когда она стала обнаруживать волю быть наукой, и мартирологъ науки, когда она становилась строгой наукой?

Философія какъ чистое знаніе, есть порожденіе античной языческой Европы, т.-е. Европы въ нашемъ узкомъ и болѣе точномъ смыслѣ. Восточная стихія надолго отгѣснила ее на задній планъ исторіи, но не могла уничтожить вовсе, а напротивъ сама впитала въ себя немало отъ столь чуждаго ей европеизма. Насталъ моментъ Возрожденія наукъ и искусствъ, и Европа от-

крыто и въ полной мѣрѣ стала обнаруживать себя и свое — все, что тѣло до тѣхъ поръ подъ спудомъ, но не угасало ни на мгновеніе. Философія, никогда не переставала быть философіей, и средніе вѣка не менѣе богаты ею, чѣмъ послѣдующее время, и въ средневѣковой философіи можно открыть всѣ тѣ же моменты, что и въ предшествовавшее ей или слѣдующее за ней время, — рѣчь идетъ только о томъ, что съ Возрожденія опять выдвигается на первый планъ исторіи то, что было чисто европейскимъ созданіемъ, и что было оттѣснено на задній планъ средневѣковымъ христіанскимъ. Дѣло, начатое Возрожденіемъ, еще не доведено до конца. Новое время есть время завершительной борьбы между востокомъ и Европой. На чью сторону склонятся вѣсы исторіи? Европейская въ широкомъ смыслѣ культура — теперь міровая культура, и борьба, о которой идетъ рѣчь, давно уже далеко вышла за предѣлы того пространства, которое обозначается географическимъ титуломъ «Европа». Востокъ все меньше *переживается*, и все больше *изучается*. Самъ Востокъ пріобрѣтаетъ способность рефлексіи, и, во всякомъ случаѣ, все больше «упражняется» въ ней. Философія въ европейскомъ пониманіи становится міровымъ достояніемъ. Нужно отдать себѣ по возможности ясный отчетъ въ томъ, что составляетъ ея существенные признаки, и въ чемъ ея собственный смыслъ.

Философія какъ чистое знаніе есть чистая европейская философія, — дитя Европы. Удивительно, съ какой строгой неизмѣнностью эта философія на протяженіи всей своей исторіи понимала свои задачи, съ какой неуклонной послѣдовательностью она выполняла ихъ, съ какой, наконецъ, прямою возвращалась къ нимъ, когда соблазнъ сказки и мудрости отвлекалъ ее отъ ея вѣрнаго пути, или когда фанатизмъ Востока силою и угрозой преграждалъ ей этотъ путь. Уже въ моментъ своего возникновенія ей удалось опредѣлить свой предметъ, и довольно ясно обозначить своеобразный методъ, ведущій къ раскрытію и уясненію этого предмета. Моментомъ зарожденія философіи какъ знанія, философіи въ пониманіи и въ смыслѣ чистой европейской мысли, нужно считать тотъ моментъ, когда эта мысль впервые направила свой рефлектирующий взоръ на самое же мысль.

Парменидъ, по опредѣленію Платона, *Великій*, — былъ *первымъ* европейскимъ философомъ. У него мы находимъ ясно проведенное различіе между философіей, какъ чистымъ знаніемъ, и псевдофилософіей, какъ сказкой, мифомъ, «мнѣніемъ», по-

скольку они претендуютъ на философскій титулъ. Онъ точно устанавливаетъ для философин ея собственный предметъ, и открываетъ тотъ путь, которымъ философія призывается разрѣшить проблему этого предмета. Двѣ части Парменидовой поэмы легко согласуются, если смотрѣть на первую изъ нихъ, какъ на утверженіе принциповъ философин какъ чистаго знанія, а на вторую, какъ на характеристику псевдофилософин, или по крайней мѣрѣ, какъ на изображеніе одного изъ самыхъ первоначальныхъ и самыхъ распространенныхъ типовъ псевдофилософин. Какъ та и другая не исключаютъ другъ друга, такъ и обѣ части поэмы не находятся во взаимно противорѣчивомъ отношеніи, какъ это иногда себѣ представляютъ. Истина есть истина, ея связи и отношенія—истинны; видимость есть видимость, связи и отношенія въ ней случайны, «вѣроятны» и гипотетической природы. Каждому свое. Нельзя только думать, что въ сферѣ истиннаго господствуетъ такая же немощь, какъ въ нашихъ головахъ, устремленныхъ на эту сферу; и нельзя думать, что мы внесемъ строгій и абсолютный порядокъ въ область по своему существу случайной и беспорядочной видимости. Другими словами, нельзя смотрѣть на «истину», какъ на «мнѣніе», а на «мнѣніе», какъ на «истину». Это—наши ошибки, когда мы «истину» провозглашаемъ относительною и вѣроятною, а «мнѣніе»—истиною. Въ дѣйствительности, повторяю, истина—истинна сама по себѣ,—такова она есть, а видимость намъ кажется, и потому она есть для насъ, какъ она кажется.

«Ты долженъ все узнать, — говоритъ самъ Парменидъ—и колеблемое сердце совершенной Истины, и мнѣнія смертныхъ, въ которыхъ нѣтъ истинной достовѣрности».

III

Предметомъ философин какъ знанія является, слѣдовательно, истина, т.-е. то, что есть, *бытіе*. Не тотъ или иной видъ бытія въ частности, а само бытіе, какъ такое, въ его сущности, значить, бытіе въ противоположность не-бытію. Какъ бы ни казалось намъ такое понятіе бытія «формальнымъ», тѣмъ не менѣе оно—самостоятельный и своеобразный предметъ для познанія. Бытіе—то, что есть, его противоположность—не то, что есть,—прежде всего то, что не есть, а затѣмъ и то, что сверхъ и помимо того, что есть, то еще, что не есть, а приключается, про-

исходитъ или проистекаетъ, появляется и опять исчезаетъ, что кажется. «Нужно говорить, — утверждаетъ Парменидъ, — и мыслить о бытіи того, что есть. Бытіе есть, а то, что — ничто, то не есть».

Это ясно, но это еще не опредѣляетъ вполнѣ философіи какъ знанія, такъ какъ еще не видно, какъ мы приходимъ къ философскому познанію *бытія*. Вѣдь можетъ быть, дѣйствительно, мы приходимъ къ нему отъ изученія частныхъ, «эмпирическихъ», «кажущихся» его видовъ, напр., черезъ ихъ обобщеніе или черезъ отвлеченіе. Но, очевидно, это было бы не-философскій путь, это было бы прямой путь «мнѣнія». Какъ я указывалъ, философія какъ знаніе сознается тогда, когда мы направляемъ свою мысль на самое мысль. Бытіе, какъ то, что есть, какъ истина, тогда изучается подлинно философски, когда наша рефлексія направляется на самое мысль о бытіи. Ибо для мысли мысль открывается въ себѣ самой, въ своей подлинной сущности, а не какъ возникающее и преходящее, «намъ кажущееся», — здѣсь подлинно «незыблемое сердце совершенной Истины». Бытіе само по себѣ есть бытіе, и только. Лишь черезъ мысль бытіе становится предметомъ мысли, и, слѣдовательно, предметомъ философіи какъ знанія. Нужно прійти къ этому сознанію, что бытіе философски есть черезъ мысль, что предметъ мысли и предметъ бытія есть одно и то же, есть *одинъ* предметъ. «Одно и то же, — по Пармениду, — мышленіе и бытіе». Или онъ говоритъ еще яснѣе: «Одно и то же мышленіе и то, на что направляется мысль; и безъ сущаго, въ зависимости отъ котораго высказывается мысль, ты не найдешь мышленія». И такъ, не только предметъ бытія для философіи есть предметъ мысли, но и мысль, на которую направляется философія, есть непременно мысль о предметѣ, и мысли «ни о чемъ», слѣдовательно, нѣтъ. Здѣсь у философіи какъ знанія — прочное и надежное начало.

Философія какъ знаніе не исключаетъ человѣческаго «мнѣнія», «мнѣнія смертныхъ», которое опредѣляется своимъ предметомъ, отличнымъ отъ предмета-«истины», и допускающимъ только относительное и условное знаніе. «Мнѣніе» въ философіи имѣетъ свое законное право на существованіе рядомъ съ философіей какъ знаніемъ, но оно не можетъ быть отождествляемо съ послѣдней. «Метафизика» въ узкомъ смыслѣ входитъ въ составъ философіи въ ея цѣломъ, и черезъ это имѣетъ, конечно, пункты соприкосновенія съ философіей какъ знаніемъ. «И любитель мифовъ («филонмѣость»), — говорилъ Аристотель, — есть

въ нѣкоторомъ родѣ философъ». Можно сказать, что предметъ псевдофилософіи есть также бытіе, но она беретъ его не черезъ мысль и не въ мысли, а какъ если бы оно было само по себѣ, и какъ оно тогда было бы. Она сразу, слѣдовательно, допускаетъ нѣкоторую гипотезу о бытіи *какъ природѣ*, которую, затѣмъ, пытается оправдать, сводя бытіе къ тѣмъ или инымъ частнымъ типамъ его. Но такъ какъ для человѣческаго «мнѣнія», руководимаго теперь не мыслью, а «чувственнымъ воспріятіемъ», болѣе основной или достовѣрной *«кажется»* то одинъ, то другой изъ названныхъ типовъ, то мы и получаемъ въ результатъ столько псевдофилософскихъ «ученій», сколько только можно различить типовъ эмпирической природы. Самый методъ при этомъ рѣшительно мѣняется. Начавъ съ предположенія о дѣйствительномъ бытіи той или иной природы, мы и дальше не сходимъ съ пути предположеній о ея возникновеніи, развитіи, назначеніи, итд. «Мнѣнія смертныхъ», такимъ образомъ, плодятся и распространяются, каждому хочется занять мѣсто истины, но, въ дѣйствительности, онѣ — только «мнѣніе», докса, и можно говорить лишь о большей или меньшей ихъ «вѣроятности», и стремиться къ соотвѣтственному изслѣдованію «мнѣнія».

Если «мнѣніе» хочетъ занять *истинное* свое мѣсто въ цѣломъ философіи, то все же никто иной какъ сама философія какъ знаніе можетъ опредѣлить это мѣсто. Само «мнѣніе» она можетъ сдѣлать предметомъ мысли, и этимъ самымъ провести четкую грань между «мыслью» и «мнѣніемъ»: «мнѣніе» всегда останется «мнѣніемъ», по существу отличнымъ отъ мысли, какъ бы послѣдняя глубоко ни проникла въ сущность «мнѣнія». Даже болѣе, чѣмъ глубже философская рефлексія проникаетъ въ сущность «мнѣнія», тѣмъ ярче она обнаружитъ его неустойчивую и колеблющуюся природу. Философія какъ знаніе самое псевдофилософію можетъ изучать среди другихъ вопросовъ и темъ, но только въ видѣ своего, выше характеризованнаго, предмета. Одного лишь должна остерегаться философія, чтобы не покинуть *своего* пути истины: не идти по пути изслѣдуемой ею псевдофилософіи.

Парменидъ: «А всетаки ты и то узнаешь, какъ мнѣніе, всегда все проникающее, должно занять надлежащее мѣсто... Но удерживай мысль отъ этого пути изслѣдованія, и да не совлечетъ тебя на этотъ путь много разъ испытанная привычка»...

Много типовъ псевдофилософiи занесъ Востокъ въ Европу, уже до Парменида, но послѣднiй, насколько можно судить, имѣть въ виду преимущественно космогоническiя или космологическiя и вообще всякаго рода («генетическiя») теорiи о «происхожденiи». Предметомъ разсмотрѣнiя является въ такомъ случаѣ не «бытiе», а «кажущееся устройство»; задача же—въ томъ, чтобы во всемъ была найдена «природа» и «откуда оно произошло»: земля, солнце, луна, эфиръ и звѣзды, и даже «крайний Олимпъ», а если вѣрнѣе кообщенiю Диогена Лаэртскаго, то и человекъ. Все это, какъ очевидно, вопросы, которые въ современныхъ «Введенiяхъ въ философiю»,—изобрѣтенiе новѣйшаго времени,—именуются «онтологическими» и «космологическими проблемами», и которые, согласно даннымъ выше разъясненiямъ, составляютъ не философiю, какъ науку, а одинъ изъ типовъ псевдофилософiи, вмѣстѣ съ завезенными къ намъ съ востока—мудростью, мировоззрѣнiемъ, моралью... Но поскольку именно названныя «проблемы» претендуютъ на «научно-образное» разрѣшенiе, онѣ и составляютъ, дѣйствительно, предметное содержанiе «псевдофилософiи».

IV

Я не имѣю въ виду увеличивать собою числа интерпретаторовъ Парменида, мнѣ важны только основныя руководящiя нити его философскаго замысла, который я хочу понимать по прямому смыслу словъ Парменида, и исходя изъ существа самой философiи. Здѣсь не мѣсто «доказывать» правоту моего пониманiя, могу сослаться только, кромѣ общаго смысла, на перваго интерпретатора Парменида и генiя положительной европейской философiи—Платона.

Платонъ углубляетъ, укрѣпляетъ и развиваетъ начала, положенныя Парменидомъ, точнѣе и всестороннѣе освѣщаетъ философскiй путь, а вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣленнѣе отмежевываетъ философiю, какъ знанiе, отъ псевдофилософiи. Платонъ не разъ высказывается на эту тему, но, пожалуй, наиболѣе ярко онъ проводитъ различiе между ними, между «наукой» и «мнѣнiемъ» (эпистеме и докса), въ самомъ псевдофилософскомъ изъ своихъ диалоговъ, въ Тимей: «Нужно, по моему мнѣнiю,—говоритъ Тимей,—прежде всего различать: что всегда есть, но не происходитъ, и что всегда происходитъ, но никогда не есть; то, что постигается въ мышленiи съ помощью понятiя, что всегда—